

КОНЦЕПТ «ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР» СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Мария Андреевна Шипилова

МГИМО МИД России, Москва, Россия

m.shipilova@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7948-3265>

Аннотация. Стратегия и тактика современной миграционной политики Японии строится с учётом этнокультурных особенностей японцев, понимаемых в японском политическом и научном дискурсе как «японский национальный характер» (国民性 кокуминсэй). Актуальность изучения непрерывных изменений этой политики в наши дни связана не только с практической необходимостью ориентироваться в них, но и прогнозировать их политические, социально-экономические и культурные последствия. Концепт «национальный характер» имеет большое значение для понимания динамики национально-группового самосознания японцев, тех паттернов,

которые влияют как на теоретический дискурс национальной исследовательской школы, так и на взаимодействие с иностранцами. Контент-анализ лексики, используемой в связи с концептом «национальный характер» в официальных документах, регламентирующих соответствующую сферу социальной политики, а также в публицистике, медиа и социальных сетях, выявил особенности современной интерпретации данного понятия. В частности, наблюдаются попытки выделить общественно значимые признаки «члена японского общества», требующие от мигрантов определённых усилий по инкультурации, что предполагает освоение социально важных с точки зрения японского социума навыков. Комплексный анализ мер по адаптации и интеграции мигрантов, реализуемых органами местного самоуправления Японии, показал, что во взаимоотношениях японцев и иностранцев особенно важными являются коммуникативные феномены, связанные с понятиями мэйваку (迷惑 причинение беспокойства), омоияри (思いやり внимательность к собеседнику), а также культурой дарения подарков. Помимо этого, анализ миграционной политики сквозь призму концепта «японский национальный характер» позволяет сделать вывод: политика сосуществования японцев и иностранцев (多文化共生 табунка кё:сэй), проводимая правительством на современном этапе, несмотря на многообещающее название, не предполагает целенаправленных действий правительства по сохранению и развитию культурных различий в рамках одного общества.

Ключевые слова: концептосфера японского языка, японский национальный характер, этнокультурные особенности японцев, миграционная политика Японии, социокультурная адаптация и интеграция мигрантов, кокуминсэй, табунка кё:сэй

Для цитирования: Шипилова М.А. Концепт «японский национальный характер» сквозь призму миграционной политики // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 1. — С. 107–124. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-107-124>

Research article

CONCEPT JAPANESE NATIONAL CHARACTER THROUGH THE PRISM OF MIGRATION POLICY

Maria A. Shipilova

MGIMO University, Moscow, Russia
m.shipilova@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7948-3265>

Abstract. The strategy and tactics of Japan's contemporary migration policy are determined by the ethnocultural characteristics of the Japanese nation, recognized as the concept of national character (国民性 kokuminsei), which is both a political and scientific entity. The rapid changes in migration policy today expose the practical need to study the causes, consequences, and specifics of related social and political concepts such as national character and the factors that shape it. The accurate knowledge helps predict cultural, political, and socioeconomic changes and future agendas. This concept is a subject of paramount importance for international relations studies, as it is rooted in the Japanese nation's self-consciousness and represents core elements of national history within its interrelation with present policy. The study suggests that the Japanese national character, described and conceptualized in the late Edo period (1603–1868) and the Meiji period (1868–1912), still influences the attitudes of the Japanese towards migration and foreigners in general. The representatives of kokugaku (国学 national study) that originated at that time and nihonjin-ron (日本人論 theories about the Japanese) that developed further sought to assert the authenticity of Japanese culture and its history and construct a national identity. Assumingly, it would become an instrument of protecting the country from the influence of China and later the West. Today, researchers of Japanese culture, both in Japan and abroad, continue to refer to post-war nihonjin-ron, criticizing, rethinking, or adding to its major provisions. Content analysis of the vocabulary used in connection with the concept of national character in official documents regulating the relevant area of social policy, as well as in the media and social networks, has revealed some features of the modern interpretation of this concept. In particular, there are attempts to identify socially significant features of a member of Japanese society. Certain acculturation efforts required from migrants imply the development of the skills that are socially important from the point of view of Japanese society. The comprehensive analysis of measures for the integration and adaptation of migrants implemented by the local governments of Japan has shown that communicative phenomena associated with the concepts of meiwaku (迷惑 causing trouble), omoiyari (思いやり considerate caring for others), as well as the culture of gift-giving and apologizing play an important role in the relationships between Japanese and foreigners. In addition, the analysis of migration policy allows concluding that the concept of coexistence between Japanese and foreigners (多文化共生 tabunka kyousei) currently pursued by the government, despite its promising title, does not quite correspond to multiculturalism in its classical sense, in other words — does not imply deliberate government action to preserve and develop cultural differences within one society.

Keywords: conceptual framework of the Japanese language, Japanese national character, ethnic and cultural characteristics of the Japanese, migration policy, sociocultural adaptation and integration of migrants, kokuminsei, tabunka kyousei

For citation: Shipilova, M. A. (2022) 'Concept Japanese National Character through the Prism of Migration Policy', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(1), pp. 107–124. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-107-124>

Япония считается одним из самых моноэтнических государств мира (単一民族国家 *танъицу мундзоку кокка*). Однако усилившиеся в конце XX в. и первой четверти XXI в. процессы глобализации и интернационализации, а также изменение внутренней демографической, социально-экономической и политической обстановки стимулировали включение Японии в глобальные и региональные миграционные процессы. В связи с увеличением числа иностранцев в Японии государственные деятели и учёные стали уделять пристальное внимание поиску причин и способов решения проблем, связанных с экономической, социально-культурной и психологической адаптацией и интеграцией мигрантов в японском обществе. При этом одним из актуальных направлений исследований является изучение влияния миграции на национальную идентичность и её компоненты. С другой стороны, нельзя игнорировать влияние культурных особенностей общества на концептуализацию миграционной политики — в частности, ценностных ориентаций и устойчивых норм поведения. Они играют определённую роль и в том, как осуществляется формирование этой политики, и в том, как протекают сами процессы адаптации мигрантов.

Не секрет, что в культурологии и других гуманитарных науках понятие «национальный характер» является дискуссионным. Споры вызывают терминологическая неопределённость, вопросы о структуре и природе национального характера, способы его объективного исследования и измерения. Некоторые исследователи

принципиально отрицают существование «национального характера», утверждая, что то, что мы называемым «национальным характером» — не более, чем набор экзо- и эндостереотипов, отличающихся субъективностью, расплывчатостью, произвольностью и чрезмерным упрощением¹ [National character does not reflect..., 2005; The inaccuracy of national..., 2013].

Тем не менее, этот термин продолжает существовать в повседневной жизни, материалах СМИ, а также занимает видное место в исследованиях целого ряда культурологов, социологов, психологов, философов, лингвистов, пытающихся, несмотря на сложности, дать теоретическое осмысление и концептуализировать совокупность специфических психологических или социокультурных особенностей той или иной национальной общности.

Возможно, одной из причин неугасающего интереса к данной теме является то, что на уровне обыденного, «донаучного» сознания, как правило, складываются представления об отличительных чертах тех или иных социальных общностей (наций, этнических групп и т.д.). Речь идёт о распространённой манере поведения, специфике общения, мировоззрения или, например, темпа речи. Так, И.Л. Солоневич в своей работе «Народная монархия» утверждал, что компоненты, «образующие нацию и ее особый национальный склад характера, нам совершенно неизвестны. Но факт существования национальных особенностей не может подлежать никакому... сомнению» [Солоневич, 2003: 20]. Выдающийся советский и российский культуролог

¹ Кон И.С. К проблеме национального характера // Английский национальный характер: учебное пособие / М. М. Филиппова. — Москва: АСТ, 2007. — С. 336–374.

лог Д.С. Лихачёв писал, что «национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своём роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Всё дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности, значит делать мир народов очень скучным и серым» [Лихачев, 1984: 40].

В японском политическом и научном дискурсе и в наши дни концепт «японский национальный характер» встречается довольно часто. Так, каждые 5 лет, начиная с 1953 г., японский Институт статистической математики проводит исследование «японского национального характера» (国民性調査 кокуминсэй тё:са), изучая взгляды, убеждения и мышление японцев. По мнению австралийского исследователя К. Бёрджесса, в современных исследованиях японского характера, именуемых «теориями о японцах» (日本人論 *нихондзинрон*) выделяют три основных направления — теория смешанной нации (the mixed nation theory), теория гомогенной нации (the homogeneous nation theory) и теория общества мультикультурного сосуществования (multicultural co-existing society) [Burgess, 2010: 4]. Также К. Бёрджесс утверждает, что «японский национальный характер» и соответствующий дискурс оказывают огромное влияние на конструирование социальной и политической реальности в современном японском обществе. Исследованию японского национального характера в целом или отдельных его аспектов посвящено довольно много работ [Алпатов, 2008; Бух, 2012; Дэвис, 2009; Гуревич, 2005, 2008; Изотова, 2014а, 2014b; Мещеряков, 2005, 2015; Чугров, 2009, 2010, 2018].

Важной темой в контексте изучения национального характера и национальной идентичности стала миграция. Расширение и диверсификация миграционных потоков

показали, что увеличение численности мигрантов может провоцировать сдвиги в национальной, этнической, лингвистической и конфессиональной композиции принимающего общества. С другой стороны, это породило рассуждения о том, что и национальный характер может оказывать влияние на формирование миграционной политики и определять отношение членов общества к мигрантам.

Взаимозависимость миграционных процессов и изменений в структурах общества и личности объясняется тем, что миграция неизбежно связана с адаптацией. Под «адаптацией» понимается «приспособление к существующей культуре, обычаям, ценностям, нормам поведения новой среды, преобразование самого себя и существующих реалий в соответствии с потребностями контактирующих сторон» [Аалиева, 2020: 17]. В ходе адаптации происходят культурные трансформации как самих мигрантов, так и принимающего общества² [Янакова, 2017]. Их взаимное влияние как правило не симметрично и зависит от ряда факторов, таких как продолжительность контактов, культурная дистанция, удовлетворённость собственной культурой и других. Ввиду этого изучение процессов адаптации и интеграции мигрантов, а также связи между миграцией и национальной идентичностью всё чаще привлекает внимание социологов, психологов и культурологов [Berry, 1992, 2019; Ward, Kennedy, 1993, 1999; Эндрюшко, 2017].

В этой работе будет предпринята попытка определить, какие черты «японского национального характера» влияют на процессы адаптации и интеграции мигрантов, а также какую роль играет «национальный характер» при формировании миграционной политики на общенациональном и локальном уровнях. Вместе с этим будет предпринята попытка рассмотреть «национальный характер» во взаимосвязи с миграционной политикой с историко-культурной и социологической точки зрения. Выделение черт национального

² Коварскис Л. Кто Я? // Журнал практической психологии и анализа. — 2020. — №1. — URL: <https://psyjournal.ru/articles/kto-ya-o-migracii-i-identichnosti>

характера японцев в контексте данной работы необходимо ввиду того, что вопрос о том, что значит быть японцем, в чём заключается «японскость», что такое «японская национальная идентичность» до сих пор остаётся открытым. Ряд японских исследователей пишет, что в Японии и вовсе нет никакой общей концепции идентичности, основанной на историческом анализе, а также отсутствует традиция преемственности философских концепций³ [Осима, 2007]. Некоторых японцев вопрос о национальном характере (国民性 *кокуминсэй*) и принадлежности к определённой этнической группе (民族性 *миндзокусэй*) вводит в ступор. Одна из причин, по мнению японского исследователя М. Окамото, состоит в том, что в Японии понятия 民族 *миндзоку* («нация», «национальность») не существовало до конца XIX в., когда слово *nation* («нация») было заимствовано из иностранной литературы и переведено на японский язык [Окамото, 2011: 78].

Тем не менее, сегодня, в условиях увеличения притока иностранцев, как и в прошлом после открытия страны, японцы сталкиваются с новыми культурами, и перед ними вновь встаёт вопрос — чем «они» отличаются от «нас», кто из «них» достоин быть «одним из нас», что такое японская национальная идентичность, нужно ли её защищать и, если нужно, то каким образом?

Концепт

«японский национальный характер»

В рамках данной статьи под национальным характером понимается особый психогенетический склад народа, возникающий на основе всего его исторического и социокультурного опыта и включающий идеи, интересы, чувства, психический склад, мораль, религию, духовные ценности, мотивы, стремления, социально-психологические защитные механизмы того или иного народа (этноса, нации)⁴. Уже упоминавшийся специалист по изучению

Японии К. Бёрджесс понимает под «национальным характером» чувство общности культуры, общие ценности и черты характера японцев, присущие всем или подавляющему большинству представителей нации, без которых не могло бы существовать современное национальное государство [Burgess, 2010: 8]. Вместе с тем, «национальный характер» рассматривается не только как описательная, но и предписывающая категория, устанавливающая модель поведения представителей нации. Таким образом, «японский национальный характер» можно считать не только теоретическим концептом, но и реально существующей практикой. С нашей точки зрения, для Японии актуально предположение Н.Н. Анисимовой о том, что национальный характер существует на двух уровнях — (1) уровне общественной психологии в форме нерелексивных обыденных массовых стереотипов о своём собственном национальном характере и (2) уровне общественной идеологии в форме релексивных теоретических и идеологических концепций национального характера [Анисимова, 2019].

На уровне стереотипического восприятия в качестве отличительных черт характера большинство японцев отмечает в себе как положительные, так и отрицательные качества. Среди них выделяются: придание большого значения интересам коллектива и чувствам других людей, развитое чувство долга, избегание конфронтации и готовность идти на компромисс ради сохранения гармонии, любопытство, вежливость и воспитанность, соблюдение порядка, трудолюбие, пунктуальность, прагматизм, перфекционизм, гибкость, сдержанность в проявлении эмоций, закрытость, необщительность, зависимость от мнения окружающих [Хираи, 2000; Изотова, 2014а, 2014б].

В то же время, ряд межкультурных исследований показывает, что особенности характера не всегда совпадают с наиболее распространёнными стереотипами в силу различных факторов, в первую очередь,

³ Карибэ Ё. Традиционная японская идентичность: С древних времен до эпохи глобализации: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. — Москва, 2004. — 196 с.

⁴ Папченко Е.В., Помигуева Е.А. Культурологический минимум: Учебное пособие. — Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2013. — С. 73.

присутствия субъективности в ответах самих респондентов или несовершенства методологии [The inaccuracy of national..., 2013]. Например, такие стереотипные представления о японцах как трудолюбивой, вежливой, ответственной, придающей большое значение порядку и чувству долга нации, где каждый стремиться быть похожим на другого и не имеет чётко выраженного собственного я, согласно исследованию М. Хираи, не вполне соответствует тому, как сами японцы воспринимают себя [Хираи, 2000: 109].

Для объяснения этого феномена требуется вспомнить о теоретических и идеологических концепциях национального характера, которые влияют на формирование национальных эндостереотипов, то есть стереотипов нации о самой себе. В основу концепции национального характера японцев лёг интеллектуальный дискурс, получивший название *нихондзинрон* («теории о японцах»), а также предшествующее ему направление *кокугаку* («изучение страны»). Отличительными чертами жанра *нихондзинрон* являются размышления о своеобразии и гомогенности японского народа, остром чувстве национальной идентичности на основе «японской крови», о гордости за свои национальные традиции и уклад жизни; а также настороженное отношение к другому, чужому образу жизни, убеждение, что «чужие» не способны понять японскую культуру и овладеть языком, не должны фигурировать в таких областях жизни, как брак, обучение, профессиональная политическая деятельность, искусство и других [Kazufumi, Befu, 1993: 94].

Направление *нихондзинрон* зародилось в конце эпохи Эдо – начале эпохи Мэйдзи, приобрело более-менее ясные формы в 1930-х гг., достигло расцвета в 1960–1970-х гг., и начало увядать в 1980-х [Чугров, 2009: 220]. Во многом именно теоретики *нихондзинрон* создали тот узнаваемый образ Японии, который всплывает в сознании японцев и иностранцев при упоминании этой страны. Так, один из основоположников дискурса *нихондзинрон* Фукудзава Юкити отнёс чайную церемонию, японский традиционный танец, театр Но, японскую керамику и другие виды японского иску-

ства к особенностям, отличающих японскую культуру от западной. В эпоху Мэйдзи именно *нихондзинрон* был тем инструментом, при помощи которого японцы, открыв границы миру, отстаивали свою самобытность и сдерживали влияние Запада, а также смогли концептуально оформить и описать свою национальную идентичность.

Показательно, что изучение японского национального характера и японской культуры активизировалось в периоды расширения контактов с иностранцами. Это явление характерно не только для Японии. Как подчёркивает Б.Ф. Поршнев, «само осознание себя в качестве общности, как некоего «мы», уже предполагает соотношение (и в этом смысле — противопоставление) этого «мы» какому-то «они»» [Поршнев, 1966: 110]. Это соотношение не всегда означает враждебность, но всегда предполагает фиксацию различий. Противопоставление «своих» и «чужих», внутреннего (内 *ути*) и внешнего (外 *сото*) по-прежнему является одной из доминирующих идей в исследовании места иностранцев в японском обществе в культурологии и лингвистике. Японский исследователь Т. Сакайя в работе «Что такое Япония?» пишет: «В сущности, большинство японцев на каждом уровне сознают свою принадлежность к определённой группе, отвергая посторонних» [Сакайя, 1992: 73]. Само слово «иностранец» в современном японском языке записывается как «человек не из страны», «человек извне» — 外国人 *гайкокудзин*, или более пренебрежительно — 外人 *гайдзин*, что закрепляет дихотомию «свой — чужой» в сознании любого человека, говорящего на японском языке.

Нихондзинрон пережил все стадии — от восторженного восхваления «особой тонкости японской культуры» до полновесной и беспощадной критики, при этом тон исследований менялся в зависимости от настроений и тенденций, доминировавших в японском обществе в соответствующий период. Несмотря на некоторый спад интереса к работам в жанре *нихондзинрон*, многие положения до сих пор продолжают оказывать влияние на исследования, проводимые как внутри страны, так и за рубежом [Чугров, 2018: 62]. В частности,

особую популярность получили работы теоретиков обновлённого, уже послевоенного, *нихондзинрон*, включая Р. Бенедикт, автора работы «Хризантема и меч», Т. Дои (甘えの構造 «Структура амаэ»), Т. Кавасима (日本社会の家族的構成 «Семейная структура японского общества»), С. Като (日本文化の雑種性 «О гибридности японской культуры»), Т. Наканэ («Человеческие отношения в обществе вертикальной структуры»), Э. Хамагути (「日本らしさ」の再発見 «Новая трактовка своеобразия японского национального характера и японской культуры») и других.

К настоящему моменту существует более 1000 работ по направлению *нихондзинрон*. До сих пор в исследовании деловой культуры, системы образования, социальных и культурных процессов постоянно встречаются упоминания таких черт японского национального характера, как *хоннэ* и *татамаэ* (истинные мысли и социально приемлемое поведение), *амаэ* (зависимость), *омоияри* (внимательность к собеседнику), *сю:дан сюги* / *сю:дан исики* (коллективизм / коллективистское сознание), *ва* (гармония), *ути-сото* (свой — чужой), *симагуни кондзё*: (островной менталитет) и другие. Теоретики *нихондзинрон* указывали на уникальность и неповторимость этих черт национального характера и нередко писали о невозможности восприятия данных коммуникативных феноменов иностранцами. Более того, по утверждению исследователей М. Казуфуми и Х. Бэфу, *нихондзинрон* представляет собой не только академический дискурс, но и является значительным пластом японской массовой культуры — телевидения и радио, газет и журналов [Kazufumi, Befu, 1993: 89].

Таким образом, исследование даёт основания полагать, что «японский национальный характер», описанный и концептуально оформленный в конце эпохи Эдо (1603–1868) и эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.), продолжает оказывать влияние на отношение японцев к миграции и иностранцам в целом. Представители зародившегося в то время направления *кокугаку* (国学 «изучение страны») и получившего дальнейшего развития *нихондзинрон* (日本人論 «теории о японцах») стремились

к утверждению самобытности японской культуры и истории и конструированию при помощи этого концепта национальной идентичности. Тогда предполагалось, что данная стратегия станет инструментом для защиты страны от влияния Китая, а позднее и Запада. Культурный и языковой изоляционизм, пропагандируемый идеологами *нихондзинрон*, лёг в основу целого ряда стереотипов о Японии, породив рост настороженности, но вместе с тем и повышенный интерес к японцам со стороны иностранцев. Осмысление, принятие и применение вышеуказанных практик может помочь избежать непонимания или напряжённости в процессе межкультурной коммуникации. Конечно же, это в особенности касается иностранцев, взаимодействующих с японцами не только в международном пространстве, а непосредственно в условиях японского общества.

Миграционные процессы и «японский национальный характер»

Глобализация открыла возможности для беспрецедентного расширения межкультурных контактов, однако в их результате проходит как взаимообогащение культур, так и размывание национальной идентичности и культурной самобытности народов или их отдельных представителей. Сегодня более 280 миллионов человек проживают за пределами своей страны происхождения, причём нередко — в совершенно иной культурной среде. Примеры таких стран, как США, Австралия, Германия, Франция, Великобритания, демонстрируют, что значительная доля мигрантов в общей численности населения может привести к изменению национальной идентичности [Узнародов, 2014]. С другой стороны, происходит размывание границ идентичности самих мигрантов, многие из них частично или полностью утрачивают связь со страной происхождения. Таким образом, в результате постоянных кросс-культурных контактов и трансформаций нередко формируется новый тип личности и общества.

И приспособление мигранта к новой среде, и приспособление общества к мигрантам как его новым элементам не всег-

да проходят гладко. При рассмотрении неудачных интеграционных стратегий особое внимание, как правило, уделяется трём вещам: социальной динамике миграционных процессов, роли глобализации и транснационализации, особенностям политической системы [Castles, 2004]. Однако при оценке результатов мер по приёму, адаптации и интеграции иностранцев нельзя оставлять без внимания особенности национального характера и менталитета, с учётом и в контексте которых обычно формируется миграционная политика. Сегодня внимательное прочтение положений миграционной политики может помочь лучше понять культуру принимающего общества, поскольку именно в правилах, предназначенных для иностранцев, принимающая сторона обозначает наиболее значимые для неё нормы, отличающие, по её собственному мнению, нацию от других.

Япония долгое время считалась одной из наиболее закрытых для иностранцев стран мира, однако после почти 200-летнего периода изоляции, именуемого сакоку (鎖国 «страна на цепи»), Япония была открыта для въезда иностранцев и выезда японцев за границу. Это произошло в 1853 г. Тем не менее, становление миграционной политики как таковой началось только после 1945 г.; а право на постоянное проживание некоторых категорий мигрантов было закреплено на законодательном уровне лишь в 1990 году. В 1993 г. со стартом программы овладения мастерством *Technical Intern Training Program* (TITP) Япония разрешила въезд в страну неквалифицированной рабочей силе [Шипилова, 2020: 46]. Таким образом, долгое время доля иностранцев в Японии составляла менее 1% населения, при этом предпочтение отдавалось определённым категориям — высококвалифицированным специалистам и студентам. Численность иностранцев была настолько невелика, что не приходилось говорить об

угрозе размывания японской национальной идентичности в результате влияния культуры мигрантов, равно как и о проблемах, с которыми сталкиваются мигранты при проживании в Японии.

Однако с усилением притока иностранцев уже в начале XXI в. появились такие проблемы, как недоступность для многих категорий мигрантов вида на жительство и гражданства, преграды в изучении и использовании японского языка, нарушение прав иностранных работников, дискриминация, ощущение отчуждения и неприятия со стороны японского общества. На сокращение притока иммигрантов и усугубление перечисленных проблем оказала влияние и пандемия COVID-19. Таким образом, к основным факторам, сдерживающим массовую миграцию в Японию, можно отнести не только ограничительную политику Японии и культурный изоляционизм, пропагандируемый идеологами *нихондзирон*, но и объективные сложности.

Особенно сильной критике со стороны самих мигрантов подверглась программа технических стажировок (TITP). Её участники жаловались на несвоевременную или несправедливую оплату труда, плохие условия работы и другие нарушения прав работников, а также на деятельность Иммиграционного бюро по борьбе с нелегальной иммиграцией. По данным Министерства юстиции, опубликованным в 2019 г., в период с 2012 по 2017 год в Японии погибли 174 технических стажёра⁵. Ещё по меньшей мере 24 человека погибло в центрах содержания под стражей для иностранцев в период с 1997 г., — как утверждает, в результате бездействия и халатности со стороны должностных лиц⁶. В 2019 г. подобные инциденты особенно активно обсуждались в СМИ с привлечением местных правозащитников и международных организаций, что заставило многих потенциальных переселенцев на японский архипе-

⁵ Japan's Justice Ministry reveals 174 foreign technical interns died between 2010 and 2017 // The Japan Times. — 2018. — 13 dec. — URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/12/13/national/justice-ministry-reveals-174-foreign-technical-interns-japan-died-2010-2017/>

⁶ Japan Is Shaken After a Detainee, Wasting Away, Dies Alone in Her Cell // The New York Times. — 2021. — 18 may. — URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/18/world/asia/japan-refugee-wishma-rathnayake.html>

лаг усомниться в целесообразности жизни и работы в этой стране.

Помимо возрождения дискуссий о «плохих японцах» и «хороших японцах» за рубежом, данные события подтолкнули к действиям и размышлениям об особенностях своего национального характера и самих японцев. Особенно активно в социальных сетях обсуждался новый законопроект, предложенный на фоне усиления международной критики в связи с жестоким и негуманным обращением Японии с иностранцами, находящими в изоляторах. Он предусматривал принудительную депортацию на родину в случае, если заявителю будет трижды отказано в предоставлении убежища. Поводом для обсуждения этой меры стала смерть шри-ланкийки Вишмы Сандамали в марте 2021 г. в изоляторе г. Нагоя. В августе 2020 г. Вишма обратилась в полицию за помощью, столкнувшись с домашним насилием, но в итоге оказалась в изоляторе, поскольку у неё была просрочена виза. Дискуссия развернулась вокруг того, оказывать ли всё-таки помощь людям, оказавшимся в беде, или в первую очередь заниматься соблюдением правил и порядка. Многие японцы были возмущены тем, что погибшая иностранка «не соблюдала правила и не следовала иммиграционным процедурам страны, которую она любила (Японии — *авт.*)» и выступали за принятие законопроекта, утверждая, что «она была бы спасена, если бы была депортирована на родину, а не оставалась в изоляторе». Тем не менее, из-за роста международного давления на Японию по вопросам приёма беженцев и нарушения прав человека, законопроект был отозван правящей партией⁷.

В контексте увеличения численности мигрантов в Японии, с 2010-х гг. правительство активнее взялось за реформы в целях обеспечения более эффективного контроля за деятельностью организа-

ций, взаимодействующих с мигрантами на территории Японии, а местные власти и жители префектур сфокусировались на построении общества мультикультурного сосуществования (*多文化共生 табунка кё:сэй*), в котором «и японцы, и иностранцы смогут жить с ощущением безопасности» [Nagy, 2012; Morita, 2016]. Но что подразумевает японская идея мультикультурного сосуществования, и как она соотносится с «закрытым» островным менталитетом и другими описанными теоретиками *нихондзинрон* «непостижимыми» особенностями японской культуры?

В свете тенденций глобального и внутреннего социально-экономического развития, в японском правительстве установился консенсус относительно самой необходимости использования иностранной рабочей силы. Если в 1979 г. доля мигрантов в общей численности населения составляла 0,67%, то в 2018 г. этот показатель впервые за всю историю превысил 2%. Чтобы компенсировать сокращение трудоспособного населения и нехватку рабочей силы в ряде областей, в декабре 2018 г. Парламент Японии принял закон, открывающий доступ в страну низкоквалифицированным рабочим-иностранцам по визам категорий «Профессионал с особыми навыками (I)» и «Профессионал с особыми навыками (II)»⁸. По планам правительства, в течение 5 лет, начиная с 2019 г. в Японию должно было въехать до 345 тысяч рабочих из-за границы для работы в наиболее затронутых дефицитом сферах экономики: сельском хозяйстве, уходе за пожилыми, строительстве и ремонте, гостиничном и ресторанном бизнесе, клининге, рыболовстве, судостроении.

В 2018 г., когда принятие поправок к «Закону об иммиграционном контроле» ещё находилось на стадии обсуждения, по Японии прошла серия протестов. Правые партии требовали от правительства не до-

⁷ Japan withdraws immigration bill after death of Sri Lankan sparks criticism // Reuters. — 2021. — 18 may. — URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japan-withdraws-immigration-bill-after-death-sri-lankan-sparks-criticism-2021-05-18/>

⁸ Specified Skilled Worker // Ministry of Foreign Affairs of Japan. — URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/ca/fna/ssw/us/index.html>

пустить роста безработицы и снижения зарплат среди японцев за счёт увеличения числа иностранных граждан, а также предотвратить падение производительности труда в случае импорта неквалифицированной рабочей силы. Однако уже в 2020 г., согласно исследованию, проведённому журналистом NHK, 70% опрошенных были не против увеличения числа иностранцев, а среди молодёжи в возрасте от 19 до 29 лет этот показатель и вовсе составил 95% [Окада, 2020].

Согласно результатам этого же исследования, среди тех, кто в целом был не против увеличения числа иностранцев, около 20% сообщили, что они не хотели бы, чтобы мигранты проживали с ними в одном районе. Возможно, данная оговорка подтверждает одну особенность национального характера японцев — низкую заинтересованность в событиях до тех пор, пока они не затрагивают сферу интересов конкретного индивида.

Чаще всего японцы, принимавшие участие в опросе, выражали опасения по поводу возможных сложностей, связанных с культурными и языковыми различиями между ними и иностранцами, угрозы ухудшения общественной безопасности и разрушения японской культуры и традиций. Представляется, что немалую роль в распространении страхов сыграл европейский миграционный кризис, а также информация о происшествиях с участием мигрантов в США. На фоне роста этнической преступности, терроризма и радикализма многие политики и общественные деятели в Европе и Америке отказались от поддержания мифа о создании «идеального» мультикультурного общества. Острые дебаты в этих странах вызывали случаи позитивной дискриминации в вопросах трудоустройства, социальной защиты и образования, попытки защиты прав религиозных меньшинств в случаях, когда они противоречили государственному законодательству или социальным нормам. Наблюдая за этим, японское правительство тщательно взвешивало плюсы и минусы, и разрабатывало наиболее выгодные для себя стратегии адаптации и интеграции.

В японском языке есть выражение — 郷に入っては郷に従え *го: ни иттэ-ва го: ни ситагаэ*, буквально — «Попав в село, подчиняйся сельским правилам», аналог русской пословицы «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», что подчёркивает, насколько важным в японском обществе считается уважение местных обычаев и правил поведения. При этом на разных уровнях принимаются меры по интеграции и даже ассимиляции иностранцев — проводятся языковые курсы и занятия по изучению японской культуры, оказываются консультационные услуги. Основной целью подобных действий является не только и не столько желание помочь иностранцам поскорее адаптироваться, сколько стремление не допустить напряжённости в отношениях между местным населением и мигрантами, вызванной незнанием местных правил общения и поведения, обычаев и традиций.

В Японии решением вопросов, связанных с социокультурной адаптацией иностранцев, а именно — вопросами размещения, образования, здравоохранения, изучения японского языка, трудоустройства, — обычно занимаются органы местного самоуправления. Они же принимают меры для интеграции иностранцев в общество — в частности, организуют языковые курсы и занятия по изучению японской культуры, оказывают консультативные услуги. В дополнение к этому каждая префектура, а также отдельные города, в которых проживают иностранцы, публикуют руководства по жизни и работе в Японии. Помимо общей информации о том, куда обратиться для регистрации по месту жительства, кому звонить в случае чрезвычайных ситуаций, как пользоваться медицинскими услугами или общественным транспортом, в этих руководствах зачастую содержатся правила проживания в префектуре и взаимодействия с другими жителями.

Однако некоторые склонны полагать, что целью подобных мер является не столько упрощение жизни иностранцев, сколько стремление не допустить напряжённости в отношениях между местным населением и мигрантами, попытка заста-

вить их жить по японским правилам. Например, почти во всех руководствах можно встретить следующие рекомендации:

- г. Нисиио, преф. Айти: Громкие разговоры по ночам, вечеринки, музыка или шум телевизора, а также звуки работы стиральной машины или пылесоса могут беспокоить ваших соседей. Постарайтесь не шуметь с 9 вечера до 7 утра⁹.

- г. Кавагути, преф. Сайтама: Не оставляйте предметы в коридоре многоквартирного дома — он является местом для совместного пользования. Оставленные в коридоре вещи могут препятствовать эвакуации людей в случае пожара или землетрясения¹⁰.

- г. Кавагути, преф. Сайтама: Вставайте в очередь, когда пользуетесь общественными видами транспорта, как во время посадки, так и во время выхода из транспорта. Никогда не лезьте без очереди¹¹.

- г. Токио: Воздержитесь от разговоров по телефону в поездах и автобусах. Разговоры по телефону могут беспокоить окружающих Вас людей¹².

- г. Кавагути, преф. Сайтама: Не слушайте музыку через наушники на максимальной громкости, чтобы не доставлять неудобства окружающим¹³.

- г. Кавагути, преф. Сайтама: Не толпитесь и не собирайтесь крупными группами в общественных местах — перед магазинами, в парках и так далее. Вы можете помешать людям, которые хотят посетить данный объект¹⁴.

- преф. Нагано: Познакомьтесь и поддерживайте хорошие отношения с соседями. Участвуйте в деятельности местных

префектуральных или городских собраний¹⁵.

- преф. Сайтама: Разувайтесь в прихожей перед тем, как подниматься в дом. Не заходите в комнату с татами в тапочках. Принимайте душ перед тем, как зайти в японскую ванну о-фуру. Для входа в туалет используйте отдельные тапочки¹⁶.

- преф. Сайтама: В Японии принято дарить подарки новым соседям в случае переезда, друзьям и знакомым — во время похода к ним в гости, а также привозить сувениры коллегам и друзьям из отпуска, командировки¹⁷.

- Соблюдайте правила выброса мусора. При выносе мусора обращайтесь внимание на день, время, место и тип отходов. Не выбрасывайте мусор на улице. Не смывайте использованное в процессе приготовления пищи масло в раковину. Правила выброса мусора содержатся во всех вышеперечисленных руководствах.

Составители руководств пополняют их по мере необходимости — как правило, если местные жители сообщают о дискомфорте в связи с незнанием или неуважением иностранцами местных правил и обычаев. Таким образом, японский мультикультурализм является скорее ограничительным, нежели инклюзивным, и не поощряет культурное разнообразие. Японские исследователи, например, Нагаёси, утверждают, что плюсами такого подхода является избегание конфликта в результате сохранения гомогенности общества [Nagayoshi, 2011]. И всё же, по мнению К. Бёрджесса, табунка ке:сэй препятствует полноценной интеграции иностранцев и способствует их «выталкиванию» на пери-

⁹ Nishio Living Guide for Foreigners (March 2018). — URL: https://www.city.nishio.aichi.jp/_res/projects/default_project/_page_001/002/238/20200916-182532.pdf

¹⁰ Newcomer's Guide to Kawaguchi. — URL: <https://www.city.kawaguchi.lg.jp/soshiki/01060/020/4/29710.html>

¹¹ Ibid.

¹² Памятка для иностранных граждан. — URL: <https://www.tomin-anzen.metro.tokyo.lg.jp/about/pdf/poster-leafret/frm-russian.pdf>

¹³ Newcomer's Guide to Kawaguchi. — URL: <https://www.city.kawaguchi.lg.jp/soshiki/01060/020/4/29710.html>

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Nagano Living Guide For New Foreign Residents. — URL: https://www.pref.nagano.lg.jp/kokusai/sangyo/kokusai/tabunka/tabunka/documents/guidebook_eng.pdf

¹⁶ A Guide to Living in Saitama. — URL: <https://www.pref.saitama.lg.jp/a0306/tabunkakyousei/seikatsu-guide.html>

¹⁷ Ibid.

ферию японского общества, воспроизводя дихотомию «свой — чужой»¹⁸.

Одной из особенностей японского менталитета, которая нашла отражение в указанных правилах поведения для иностранцев, является стремление делать всё возможное, чтобы жить в мире, гармонии и согласии с окружающими, не доставляя им неудобства (他人に迷惑をかけない *танин-ни мэйваку-о кэканай*). Так, мокрый зонтик или одежда, большой рюкзак, громкая музыка в наушниках, громкий смех или разговоры по телефону во время поездок на общественном транспорте всегда воспринимаются японцами как *мэйваку* (причинённое неудобство). Идти вдоль платформы, уткнувшись в экран телефона, и не смотреть на дорогу, или запрыгивать в вагон в последнюю секунду — это тоже *мэйваку*.

Многие слышаны о случаях самоубийства в японском метро, с которыми сейчас пытаются бороться крупными штрафами. Однако у японцев такие происшествия могут не вызвать ни жалости, ни сочувствия. Всё потому, что вести себя эгоистично, не задумываясь об интересах других, с точки зрения японцев, — стыдно и не подобает взрослому человеку, и нет ничего более обременительного, чем задержать несколько сотен человек в метро в час пик. Согласно опросу, проведённому порталом Shirabee, 70% опрошенных называли случаи самоубийства в метро «неудобством»¹⁹. Конечно же, упомянутый выше случай с гибелью Вишмы Сандамали, тоже попал в категорию *мэйваку*, поскольку инцидент не только вылился в международный скандал, но и спровоцировал активные обсуждения в парламенте и обществе.

В японском обществе важно не только стараться не причинять никому неудобств, но и уметь извиниться в тех случаях, когда невозможно обойтись без *мэйваку*. Как уже упоминалось выше, в Японии не принято

разговаривать по телефону в общественном транспорте, но как быть, если звонок срочный, а ехать ещё долго? В таких случаях японец, скорее всего, снимет трубку и сообщит звонящему: «Я в поезде, могу перезвонить позже?», при этом аккуратно закрывая рот рукой, чтобы звук был тише. Однако смысл этого жеста не только в ограничении распространения звука. Поступая так, японец показывает, что он думает о других людях, сидящих в поезде, и понимает, что причиняет им неудобства. Неудивительно, что некоторые иностранцы, не знакомые с такими правилами поведения, «ловят на себе косые взгляды японцев» и, как итог, начинают испытывать дискомфорт.

Снижению риска причинения *мэйваку* служат и языковые курсы. Несомненно, они в первую очередь призваны помочь иностранцам освоить язык, чтобы без особых проблем решать повседневные задачи в стране пребывания. С другой стороны, японский язык неразрывно связан с культурой японского общества, и изучение японского невозможно представить без знакомства со средствами невербального общения, изучения ментальных особенностей нации и правил поведения. Например, вместе с такими фразами, как *すみません сумимасэн* «извините», *いただきます утадакимас* «приятного аппетита» (букв. «принимаю»), *ごちそうさまでした готисо:сама дэсьта* «спасибо за угощение», *お先に失礼します о-саки-ни сицурэй симас* «до свидания» (букв. «извините, что ухожу раньше Вас»), *お疲れ様でした о-цукарэсама дэсьта* «спасибо за работу» (букв. «Вы очень устали») иностранцы усваивают правила общения, воплощением которых эти фразы и являются.

С категорией *мэйваку* тесно связано понятие жизни в *сэкэн* 世間 — обществе японского типа. Слово *society* (общество, *社会 сякай*) как сообщество индивидов (*個人 кодзин*), как и слово *identity* (идентич-

¹⁸ Burgess C. The Impact of COVID-19 on Foreign Residents in 'No Immigration' Japan: Structural Inequity, Japanese-style Multiculturalism, and Diminishing Social Capital. IRIS Working Paper Series. — 2021. — No. 48. — Birmingham: Institute for Research into Superdiversity. — 15. — URL: <https://www.birmingham.ac.uk/documents/college-social-sciences/social-policy/iris/2021/iris-node-wp-7-2021-final.pdf>

¹⁹ 「自殺での人身事故は迷惑」8割がそう言い切った世代も («Дзисацу-дэ-но дзинсин дзико-ва мэйваку») 8-вари-га со: иикитта сэдэй-мо // Shirabee. — 2017. — URL: <https://sirabee.com/2017/05/22/20161084939/>

ность), пришло в японский язык из западной литературы в эпоху Мэйдзи. До этого же ключевым понятием социальной жизни в Японии являлся *сэкэн* — широкая общественность, народные массы, состоявший из больших и маленьких общин 村 *мура*. В каждой *мура* «почитались обычаи и опыт предыдущих поколений, а порядок обеспечивался за счёт неуклонного следования неписанным правилам, которые как будто витали в воздухе»²⁰. До сих пор в японском языке существует выражение «считывать воздух» 空気を読む — уметь понимать ситуацию и чувства окружающих без слов или читать между строк. Для гомогенной культуры этот навык кажется само собой разумеющимся, поскольку «неписанные правила» здесь носят характер всеобщности; но как быть при наличии существенных культурных различий? Ведь «кросс-культурная сензитивность» — догадки о мыслях, чувствах и предпочтениях другого человека могут в этом случае легко оканчиваться лишь домыслами.

Для японцев, на протяжении истории проживавших изолированно от всего мира на небольшой территории и занимавшихся рисоводством (что как известно требует приложения коллективных усилий), выстраивание гармоничных межличностных отношений являлось залогом выживания. Вероятно, из всех черт, рассматриваемых теоретиками, анализирующими японскую культуру, именно гармония является определяющей в социокультурном отношении; такие правила, как 迷惑をかけない *мэйваку-о какэнай* («не причинять неудобства»), 場の空気を読む *ба-но ку:ки-о ёму* («понимать ситуацию без лишних слов»), 思いやりをする *омоияри-о суру* («действовать, внимательно относиться к мыслям и чувствам другого человека») способствуют достижению этой цели.

До сих пор большое значение в японской культуре придаётся налаживанию и поддержанию контактов между людьми,

одним из инструментов чего является культура дарения подарков [Изотова, Лихолетова 2017]. Например, в руководстве, опубликованном городом Хигасихиросима, подробно описывается обычай знакомства с соседями (引越しあしさつ *хиккоси айсацу*) и дарения приветственного подарка. «Подобно тому, как вам любопытно узнать, рядом с какими людьми вы будете жить, также и другим людям в вашем районе интересно узнать о вас. Представьте себя соседям, чтобы наладить взаимоотношения друг с другом. Если у вас будут какие-либо проблемы, вы сможете рассчитывать на их помощь»²¹. Помимо взаимного уважения и спокойствия в ночные и утренние часы японцы, находящиеся в хороших отношениях со своими соседями, могут рассчитывать на помощь в случае чрезвычайной ситуации, например, землетрясения.

Именно единство и единообразие, сохраняя которое можно гармонично жить в японском обществе, и учат в Японии иностранцев. В конечном итоге иностранцы, успешно интегрировавшиеся в японское общество — те, кто освоил японский язык и правила поведения, сумел найти своё место в социуме, понял устройство японского общества и готов жить по его правилам. Они могут задерживаться здесь на длительный срок, в то время как другие, не выдерживая давления или не желая отказываться от родной культуры, возвращаются к себе на родину.

Заключение

В исследовании была предпринята попытка установить связь между «японским национальным характером» и миграционной политикой в историко-культурном ключе. Проследив современные формы интерпретации концепта «национальный характер» на примере требований, предъявляемых к мигрантам, можно сделать вывод, что отношение японцев к иностранцам остаётся осторожным.

²⁰ Идзумия К. Способы выживания личности в японской общине // Nippon.com. — 2018. — 05 jul. — URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c05004/>

²¹ Daily Life Guidebook for Foreign Residents. — URL: https://www.city.higashihiroshima.lg.jp/material/files/group/159/guidebook_202105e.pdf

Поиск Японией своей национальной идентичности в формате интеллектуального дискурса под названием *нихондзинрон* («теории о японцах»), который лёг в основу современной концепции национального характера японцев, до сих пор является частью японской массовой культуры и японского национального самосознания. К новым векторам развития рефлексивных и нерефлексивных представлений о японском характере можно отнести действия, направленные на поддержание гармонии в малых коллективах и обществе в целом — *迷惑をかけない まいばく-о какэнай* («не причинять неудобства»), *場の空気を読む ба-но ку:ки-о ёму* («понимать ситуацию без лишнего слов»), *思いやりをする омоияри-о суру* («действовать, внимательно относясь к мыслям и чувствам другого человека»), а также культуру дарения подарков.

Анализ политических документов, в частности, руководств, публикуемых органами местного самоуправления, показал, что идея создания общества мультикультурного сосуществования (*多文化共生 табунка кё:сэй*), в котором «и японцы, и иностранцы смогут жить с ощущением безопасности», не соответствует стратегии мультикультурализма в его «класси-

ческом» понимании, иными словами — не предполагает целенаправленных действий правительства по сохранению и развитию культурных различий в рамках одного общества. Они направлены на адаптацию (а не на интеграцию) мигрантов вплоть до их ассимиляции: те, кто не выдерживает жёстких требований принимающей стороны, не должны здесь оставаться. Для японского общества и сегодня характерно стремление ограничить массовый приток мигрантов, физически дистанцироваться от них в жилых районах. Формально безупречное требование обеспечить соблюдение мигрантами местного законодательства, а в случае нарушения правил — предусмотреть порядок их депортации из страны имеет обратную сторону — безразличие властей к реальной судьбе мигрантов, которые прибыли в страну по приглашению этих же властей. Что, впрочем, вряд ли можно считать отличительной чертой японского национального характера. В то же время, текущая концептуализация данного понятия показывает высокий уровень рефлексивности работающих над ним теоретиков, способных закрепить многообразие и противоречивость феномена, для осмысления которого это понятие и было выработано.

Список литературы:

- Аалиева Ч.Т. Политические аспекты международной миграции // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. — 2020. — № 13. — С. 14-18.
- Алпатов В.М. Япония: язык и культура. — Москва: Языки славянской культуры, 2008. — 209 с.
- Анисимова Н. Н. Национальный характер в структуре идентичности // Гуманитарий Юга России. — 2019. — Т. 8. № 3. — С. 125-132. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.3.12>
- Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как другое Японии. — Москва: Новое литературное обозрение, 2012. — 280 с.
- Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. — Москва: МГИМО-Университет, 2005. — 201 с.
- Гуревич Т.М. Японская грамматика как зеркало национального менталитета // Россия и Запад: диалог культур. — 2008. — № 2. — С. 26-32.
- Изотова Н.Н. Проблема трансформации системы ценностей в современном японском обществе // Вестник МГИМО университета. — 2014. — № 2. — С. 256-259. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-256-259>
- Изотова Н.Н. Ценностные ориентации мышления японцев // Россия и Запад: диалог культур. — 2014. — № 7. — С. 5.

- Изотова Н.Н., Лихолетова О. Р. Культура подарков как отражение этнокультурной самобытности японцев // Манускрипт. — 2017. — №. 3-1. — С. 69-72.
- Лихачев Д.С. Патриотизм против национализма // Заметки о русском. — Москва: Советская Россия. — С. 39-44.
- Мещеряков А.Н. Некоторые главные особенности японской цивилизационно-культурной модели // Известия Восточного института. — 2005. — №. 9. — С. 225-242.
- Мещеряков А.Н. Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев // Ежегодник Японии. — 2015. — Т. 44. — С. 266-288.
- Осима Х. Основные особенности истории японской мысли // Уральское востоковедение. — 2007. — №. 2. — С. 25-31.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. — Москва: Наука, 1966. — 214 с.
- Сакайя Т. Что такое Япония? — Москва: ИТАР-ТАСС : Фирма "Партнер Ко", 1992. — 334 с.
- Солоневич И.Л. Народная монархия. — Москва: Эксмо, 2003. — 608 с.
- Узнародов Д.И. Миграционные процессы как фактор становления национальной идентичности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2014. — №6. — С. 38-43.
- Чугров С.В. Анти-"нихондзин рон", или новые мифы об уникальности японской политической культуры // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе политические, экономические и социально-культурные аспекты. — Москва: Восточная литература, 2009. — С. 218-244.
- Чугров С.В. Переосмысления доминанты японской политической культуры // Японский феномен глазами российских японоведов. — Москва: Аспект Пресс, 2018. — С. 57-75.
- Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. — Москва: Восточная лит., 2010. — 312 с.
- Шипилова М.А. Миграционные реформы кабинетов Абэ: незначительные дополнения или структурный элемент Абэномики? // Японские исследования. — 2020. — №. 3. — С. 44-64. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10019>
- Эндрюшко А.А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник института социологии. — 2017. — Т. 8, №. 4. — С. 45-70. <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>
- Янакова В.Р. Влияние миграции на национальную идентичность // Национальная безопасность / nota bene. — 2017. — №. 4. — С. 1-11. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2017.4.24100>
- Япония. Как ее понять: Очерки современной японской культуры / под ред.: Роджера Дж. Дэвиса и Осаму Икэно. — Москва: АСТ: Астрель, 2009. — 318 с.
- Berry J.W. Acculturation and Adaptation in a New Society // International Migration. — 1992. Vol. 30. — Pp. 69–85. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.1992.tb00776.x>
- Berry J.W. Acculturation: a personal journey across cultures. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — 56 p.
- Burgess C. The «Illusion» of Homogeneous Japan and National Character: Discourse as a Tool to Transcend the «Myth» vs. «Reality» Binary // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. — 2010. — Vol, 8, № 9. — Pp. 23.
- Castles S. The Factors that Make and Unmake Migration Policies // International Migration Review. — 2004. — Vol. 38, № 3. — P. 852–884. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00222.x>
- Fine G. A. Shared fantasy: role-played games as social worlds. — Chicago; London: University of Chicago Press, 1983. — xiv, 283 p.
- Kazufumi M., Befu H. Japanese Cultural Identity // Japanstudien. — 1993. — Vol. 4, № 1. — Pp. 89–102. <https://doi.org/10.1080/09386491.1993.11827036>
- Morita L. Language Difficulties in kyosei ('living together') of Japanese and Foreigners // Studies in Asian Social Science. — 2016. — Vol. 3, № 1. <https://doi.org/10.5430/sass.v3n1p1>
- Nagayoshi K. Support of Multiculturalism, But For Whom? Effects of Ethno-National Identity on the Endorsement of Multiculturalism in Japan // Journal of Ethnic and Migration Studies. — 2011. — Vol. 37, № 4. — Pp. 561–578. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2011.545272>

Nagy S. R. From Temporary Migrant to Integrated Resident: Local Government Approaches to Migrant Integration in the Tokyo Metropolis // *ASIEN – The German Journal on Contemporary Asia*. — 2012. — Vol. 124. — Pp. 115–136.

National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures / A. Terracciano, A. M. Abdel-Khalek, N. Ádám [et al.] // *Science*. — 2005. — Vol. 310, № 5745. — Pp. 96–100. <https://doi.org/10.1126/science.1117199>

The inaccuracy of national character stereotypes / R.R. McCrae, W. Chan, L. Jussim [et al.] // *Journal of Research in Personality*. — 2013. — Vol. 47, № 6. — Pp. 831–842. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.08.006>

Ward C., Kennedy A. Psychological and Socio-Cultural Adjustment During Cross-Cultural Transitions: A Comparison of Secondary Students Overseas and at Home // *International Journal of Psychology*. — 1993. — Vol. 28, № 2. — Pp. 129–147. <https://doi.org/10.1080/00207599308247181>

Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. — 1999. — Vol. 23, № 4. — Pp. 659–677. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00014-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00014-0)

岡田真理紗. 外国人増加への期待と不安 「外国人との共生社会に関する世論調査」 から[Окада Мариса. Ожидания и опасения в связи с ростом числа иностранцев. По данным исследования “Опрос общественного мнения об обществе сосуществования с иностранцами”] // *放送研究と調査* [Хо:со кэнкю: то тэ:са]. — 2020. — Т. 70, №. 8. — С. 78-87. https://doi.org/10.24634/bunken.70.8_78

岡本雅享. 日本人内部の民族意識と概念の混乱 [Окамото Масатака. Внутреннее этническое самосознание японцев и терминологическая путаница] // *福岡県立大学人間社会学部紀要* [Фукуока кэнрицу дайгаку нингэн сякайгакубу кйё]. — 2011. — Т. 19, №. 2. — С. 77-98.

平井美佳. 「日本人らしさ」 についてのステレオタイプ [Хираи Мика. Стереотипы о «японскости»] // *実験社会心理学研究* [Дзикэн сякай синригаку кэнкю:] — 2000. — Т. 39, №. 2. — С. 103-113. <https://doi.org/10.2130/jjesp.39.103>

References:

Aaliev, C. T. (2020) 'Political Aspects of International Migration', *Vestnik Diplomaticeskoy akademii MID KR*, (13), pp. 14–18. (In Russian).

Alpatov, V. M. (2008) *Yaponiia: Yazyk i kul'tura [Japan: language and culture]*. Moscow: Jazyki slavyanskix kul'tur Publ. (In Russian).

Anisimova, N. N. (2019) 'National Character in the Structure of Identity', *Humanities of the South of Russia*, 8(3), pp. 125–132. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.3.12>

Berry, J. W. (1992) 'Acculturation and Adaptation in a New Society', *International Migration*, 30, pp. 69–85. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.1992.tb00776.x>

Berry, J. W. (2019) *Acculturation: a personal journey across cultures*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bukh, A. (2010) *Japan's National Identity and Foreign Policy*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203883754> (Russ.ed.: (2012) *Yaponiya: natsional'naya identichnost' i vneshnyaya politika: Rossiya kak drugoye Yaponii*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.

Burgess, C. (2010) 'The "Illusion" of Homogeneous Japan and National Character: Discourse as a Tool to Transcend the "Myth" vs. "Reality" Binary', *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, 8(9), p. 23.

Castles, S. (2004) 'The Factors that Make and Unmake Migration Policies', *International Migration Review*, 38(3), pp. 852–884. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00222.x>

Chugrov, S. V. (2009) 'Anti-"Nihonjin Ron", or New Myths of the Uniqueness of the Japanese Political Culture', in *Japan in the Asia-Pacific Region: Political, Economic and Socio-Cultural Aspects*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., pp. 218–244. (In Russian).

Chugrov, S. V. (2010) *Yaponiya v poiskakh novoy identichnosti [Japan in search of a new identity]*. Moscow: Vostochnaya Lit. Publ. (In Russian).

Chugrov, S. V. (2018) 'Pereosmyslyaya dominanty yaponskoy politicheskoy kul'tury [Rethinking the dominants of Japanese political culture]', in *Yaponskiy fenomen glazami rossiyskikh yaponovedov [Japanese phenomenon through the eyes of Russian Japanologists]*. Moscow: Aspekt press Publ., pp. 57–75. (In Russian).

Davies, R. J. and Ikeno, O. (2002) 'The Japanese mind: understanding contemporary Japanese culture'. Boston: Tuttle Pub. (Russ.ed.: (2009) *Yaponiia. Kak ee poniat'*: *Ocherki sovremennoi yaponskoi kul'tury*. Moscow: AST: Astrel Publ.).

Endriushko, A. A. (2017) 'Theoretical approaches towards examining the adaptation of migrants to the host society: foreign practices', *VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII*, 23(4), pp. 45–70. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.480>

Fine, G. A. (1983) *Shared fantasy : role-played games as social worlds*. Chicago; London: University of Chicago Press.

Gurevich, T. M. (2005) *Chelovek v yaponskom lingvokul'turnom prostranstve [Man in the Japanese linguocultural space]*. Moscow: MGIMO University Publ. (In Russian).

Gurevich, T. M. (2008) 'Yaponskaya grammatika kak zerkalo natsional'nogo mentaliteta [Japanese grammar as a mirror of the national mentality]', *Russia and the West: the Dialogue of Cultures*, (2), pp. 26–32. (In Russian).

Hirai, M. (2000) 'Stereotypes about the Japanese', *The Japanese Journal of Experimental Social Psychology*, 39(2), pp. 103–113. (In Japanese). <https://doi.org/10.2130/jjesp.39.103>

Izotova, N. N. (2014a) 'Problems of transformation of values' system in modern Japanese society', *MGIMO Review of International Relations*, (2(35)), pp. 256–259. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-256-259> (In Russian).

Izotova, N. N. (2014b) 'Tsennostnyye oriyentatsii myshleniya yaponitsev [Value Orientations of Japanese Thinking]', *Russia and the West: the Dialogue of Cultures*, (7), p. 5. (In Russian).

Izotova, N. N. and Likholetova, O. R. (2017) 'Culture of Gifts as a Reflection of the Japanese's Ethno-Cultural Identity', *Manuskript*, (3–1), pp. 69–72. (In Russian).

Kazufumi, M. and Befu, H. (1993) 'Japanese Cultural Identity', *Japanstudien*, 4(1), pp. 89–102. <https://doi.org/10.1080/09386491.1993.11827036>

Likhachev, D. S. (1984) 'Patriotizm protiv nacionalizma [Patriotism versus nationalism]', in *Zametki o russkom [Notes about Russian]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 39–44. (In Russian).

McCrae, R. R. et al. (2013) 'The inaccuracy of national character stereotypes', *Journal of Research in Personality*, 47(6), pp. 831–842. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.08.006>

Mescheryakov, A. N. (2005) 'The Main Distinctive Features of the Japanese Civilized Cultural Model', *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Far East State University*, (9), pp. 225–242. (In Russian).

Mescheryakov, A. N. (2015) 'Osmysleniye sredi obitaniya v protsesse samoidentifikatsii Yaponii i yaponitsev [Understanding the Habitat in the Process of Self-Identification of Japan and the Japanese]', *Yearbook Japan*, 44, pp. 266–288. (In Russian).

Morita, L. (2016) 'Language Difficulties in kyosei ("living together") of Japanese and Foreigners', *Studies in Asian Social Science*, 3(1). <https://doi.org/10.5430/sass.v3n1p1>

Nagayoshi, K. (2011) 'Support of Multiculturalism, But For Whom? Effects of Ethno-National Identity on the Endorsement of Multiculturalism in Japan', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 37(4), pp. 561–578. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2011.545272>

Nagy, S. R. (2012) 'From Temporary Migrant to Integrated Resident: Local Government Approaches to Migrant Integration in the Tokyo Metropolis', *ASIEN – The German Journal on Contemporary Asia*, 124, pp. 115–136.

Okada, M. (2020) 'Hopes and Anxieties Concerning the Increase in International Residents', *The NHK Monthly Report on Broadcast Research*, 70(8), pp. 78–87. (In Japanese). https://doi.org/10.24634/bunken.70.8_78

Okamoto, M. (2011) 'Ethnic Identities within Japanese nationals', *Journal of the Faculty of Integrated Human Studies and Social Sciences, Fukuoka Prefectural University*, 19(2), pp. 77–98. (In Japanese).

Ōshima, H. (2007) 'Osnovnyye osobennosti istorii yaponskoy mysli [Main features of the history of Japanese thought]', *Ural survey of oriental studies*, (2), pp. 25–31. (In Russian).

Porshnev, B. F. (1966) *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya [Social psychology and history]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Sakaiya, T. (1992) *Chto takoye Yaponiya? [What is Japan?]*. Moscow: ITAR-TASS: Firma Partner Co Publ. (In Russian).

Shipilova, M. A. (2020) 'Abe Cabinet migration reforms: minor additions or structural element of Abenomics?', *Japanese Studies in Russia*, (3), pp. 44–64. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10019>

Solonevich, I. L. (2003) *Narodnaia monarkhiia [Popular monarchy]*. Moscow: EKSMO Publ. (In Russian).

Terracciano, A. et al. (2005) 'National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures', *Science*, 310(5745), pp. 96–100. <https://doi.org/10.1126/science.1117199>

Uznarodov, D. I. (2014) 'Migration Processes as a Factor of National Identity', *Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, (6), pp. 38–43. (In Russian).

Ward, C. and Kennedy, A. (1993) 'Psychological and Socio-Cultural Adjustment During Cross-Cultural Transitions: A Comparison of Secondary Students Overseas and at Home', *International Journal of Psychology*, 28(2), pp. 129–147. <https://doi.org/10.1080/00207599308247181>

Ward, C. and Kennedy, A. (1999) 'The measurement of sociocultural adaptation', *International Journal of Intercultural Relations*, 23(4), pp. 659–677. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(99\)00014-0](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(99)00014-0)

Yanakova, V. R. (2017) 'Vlianiye migratsii na natsional'nuyu identichnost' [The Impact of Migration on National Identity]', *Nacional'naâ bezopasnost'*, (4), pp. 1–11. (In Russian).

Информация об авторе

Мария Андреевна Шипилова — преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Maria A. Shipilova — Lecturer of the Department of Japanese, Korean, Mongolian and Indonesian Languages, MGIMO University 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 21.02.2022.